

Тариева Л.У.
Ингушский государственный университет
Ингушский научно-исследовательский институт им. Ч.Ахриева
г. Магас
E-mail: tarieva00@mail.ru

К ВОПРОСУ О РЕГУЛЯРНЫХ СРЕДСТВАХ ОБРАЗОВАНИЯ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЭРГАТИВНОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье анализируются прототипические морфологические средства образования каузатива в эргативном ингушском языке. Аффиксоиды, коррелирующие с автономными лексемами, легко вычлняются из структуры каузативных глаголов, участвующих в образовании различных типов каузатива. Полифункциональное лицо Произносящее является основным каузатором в эргативном нахском языке.

Ключевые слова: морфологический каузатив, полифункциональное лицо Произносящее, каузация глаголов постулированной семантики.

Tarieva L.U.
Ingush State University
Ingush Scientific Research Institute
Magas
E-mail: tarieva00@mail.ru

TO THE PROBLEM OF REGULAR MEANS OF FORMING CAUSATIVE VERBS IN ERGATIVE LANGUAGES

Annotation: The article analyzes prototypic morphological means of forming causative in the ergative Ingush language. Affixed words, correlating with autonomous lexemes, are easily singled out of structure of causative verbs, taking part in forming different types of causative. Multifunctional Pronouncing person is the main cause maker in the ergative Nahich language.

Key words: morphological causative, multifunctional sounding person, causation of verbs with postulated semantics.

Каузативные конструкции синхронно остаются предметом пристального внимания как российских, так зарубежных ученых [3-8; 18-19; 21-23; 25-30]. Среди нахских лингвистов каузативные отношения были представлены Р.И. Ахриевой (1997), А.И. Халидовым (2003), А. Токаевой (2012), Н.М. Барахоевой (2012).

К одному из основных вопросов истолкования каузатива различных по грамматическому строю языков относится исследование морфологических средств, участвующих в образовании различных типов каузатива.

Интерпретация каузативных отношений, свойственных эргативным языкам увязывается нами с функцией компонентов парадигмы лица нахских языков, включающей полифункциональную категорию лицо Произносящее.

Лицо Произносящее – это актант, исторически обосновывающий всегда присутствующего в речевой ситуации имманентного субъекта, обнаруживающего внутреннюю фоническую возможность индивида – произношение, указывающее на онтогенетическую способность речедеятеля к акустически охарактеризованной речи, при успешном речевом акте, то есть если человек не немой. Это значит, что в любом речевом акте данное лицо всегда присутствует в процессе общения, что и обеспечивает лицу, представленному местоименному существительному в эргативной форме имени статус активного (актера).

Одной из основных функций Произносящего является каузация качеств и свойств глаголов постулированной и приобретенной семантики [10-13], обуславливающая различные типы каузативных отношений в нахских языках, в частности в ингушском.

В интерпретации каузативных процессов эргативных языков важным параметром представляется кодирование глаголами свойств постулированной и / или приобретенной семантики. Глаголы, семантическая структура которых включает свойства постулированной семантики, когнитивно маркируются как данные априори (инг. *со а воацаш* □ когда я не в пространстве□). Самой сильной характеристикой свойств глаголов постулированной семантики является тот факт, что они, как уже наличествующие, обнаруживаются в прототипической прагматической установке (*со в а хІанз* □ я мужчина в пространстве теперь□) [11,175; 12; 16] противопоставлено второй прагматической ситуации *у кх аз а хІанз* □ тут еще я в пространстве теперь□), релевантной для нахских языков, в которой моделируются свойства глаголов приобретенной семантики [12; 13].

Первая прагматическая установка эргативного ингушского языка: *со в а хІанз* □ я мужчина в пространстве теперь□ содержит позицию гендерного

признака *в* «мужчина», которая отличает ее от идентичной прагматической ситуации номинативных языков *я здесь сейчас*. Конструкт *в* «мужчина» прототипически выведен не на основе биологического понимания пола, а на основе первичной функции лица Произносящего, – функции акустического наполнения речения (ср. инг. *Со лув* □ Я говорю □ и *Аз оал* □ Я произношу □), согласно которой данное лицо названо Произносящим [13; 16].

Синхронно в ингушском языке, равно как и в других нахских языках, лицо Произносящее выполняет одновременно несколько совмещенных в речевом акте функций, прототипической из которых является наложение акустической речи на артикуляционную. Эргативное лицо, таким образом, нечто именуется, или сообщает акустически, экспонируя семантическую структуру, которую Дж. Остин назвал реческим актом. С другой стороны, семантика высказывания базируется на соответствующей языку грамматической структуре, названной Дж. Остином фатическим актом.

Гендерная позиция (*в* «мужчина») в составе первой прагматической установки эргативных языков заполняема любым другим признаком с пометой «дано». Это означает, что глаголы с когнитивной пометой «постулированный» будут в первую очередь подвержены каузации (вызыванию к жизни), в отличие от глаголов приобретенной семантики.

Качества и свойства глаголов приобретенной семантики маркируются речевым сознанием ингуша как приобретаемые говорящим очевидно *укхаза хІанз* ‘здесь и сейчас’ (ист. *у кх аз а хІанз* □ тут еще я в пространстве теперь □). Это означает, что свойства данных глаголов, как эвиденциально приобретаемые, подвергаются каузации иного типа, в котором исключается тип каузации посредством вызывания к жизни, то есть исключая фактитивный способ каузации.

Каузатив как категория актантной деривации в языках различных стратегий обуславливается интеракциональностью субъекта, как лица Говорящего, с внешним миром в рефлексивном и диалогическом режимах. Интеракция субъекта с экстралингвистической действительностью, когда

объектом интенции является познающий собственное *со* □ это □ субъект, генерирует кванты лингвистической действительности (языковые единицы) посредством каузативных процессов.

Каузативные процессы нахского языка осуществляются специфическим инвентарем каузативных средств, необходимых для осуществления акта каузации в эргативных языках.

Каузация, репрезентирующая в эргативном ингушском языке, наряду с другими нахскими, актантную и глагольную деривацию, организованную различными лексико-морфолого-синтаксическими средствами, относится к одной из основных функций лица Произносящего, характеризующегося полифункциональностью.

Репрезентация основной каузативной функции лица Произносящего осуществляется в ингушском языке, и в других нахских языках также, посредством распространенных грамматических средств – каузативных аффиксоидов.

Морфологические средства представления каузативных процессов – аффиксоиды увязываются нами с функциями компонентов парадигмы лица (Созерцающим, Говорящим, Слышащим, Произносящим). Все лица парадигмы (аффективные и речевые), за которыми стоят семантические функции различных *саг* □ *homo* □ *хоалу саг* □ субъекта восприятия □ *хета саг* □ человека разумного □, *сакхета саг* □ человека-духа □, *хета саг* □ человека представляющего □, *хов саг* □ человека знающего □), участвуют в репрезентируемых каузативных процессах.

Аффиксоид, или «полуаффикс» [9; 24] указывает на когнитивные приоритеты, отраженные в структуре естественного языка. Аффиксоиды размещаются на стыке лексикологии и грамматики, указывая на то, что непреодолимой границы между этими уровнями языка не существует.

Морфологический каузатив в нахских языках может возникнуть в результате интеракции лексических единиц, за которыми стоят гетерогенные

лица, в различных синтаксических ситуациях (сравните: инг. *со (NOM) вуж* ‘я ложусь’ + *аз (ERG) ву* ‘я делаю’ = *аз вужву* ‘я укладываю’).

Каузативные аффиксоиды ингушского языка коррелируют с автономными (или служебными) словами. Суффиксоиды, то есть располагающиеся в посткорневой позиции аффиксоиды, как преобразовавшиеся в морфологические единицы самостоятельные лексемы, участвуют в различного типа монокаузативных и бикаузативных процессах (фактитивном, пермиссивном, фактитивно-пермиссивном и др.) ингушского языка чаще в качестве отдельной морфологической единицы, например, суффиксоид *д̄ала* □перейти в состояние□ (чеч. бацб. *дала*) восходит к автономному номинативному глаголу *д̄ала* □привыкнуть, приноровиться□ и участвует в монокаузативном процессе: *улладала* ‘перейти в состояние лежать□ (сравните с: □ приноровиться лежать’; омонимичный суффиксоид *д̄ал̄а* (*сога оза дала мег тх̄амка* ‘мне могут дать курить табак□ или: *сога озадала мег тх̄амка* □ возможно, у меня получится курить табак□,) исторически восходит к автономному эргативному глаголу *дала* □ дать, передать□. Процесс каузации и перформативности исторически тесно взаимосвязаны в эргативном ингушском языке: глаголы *д̄ала* □ привыкнуть□ и *д̄ал̄а* □ дать□ прототипически выполняли перформативную функцию (функцию адаптации посредством переключивания, передачи свойств глаголов от одного лица другому).

Инвентарь каузативных средств нахских языков включает в себя и сложные (композиционные) суффиксоиды, выполняющие функцию бикаузации, например, фактитивно-пермиссивной каузации (*де+ийт* = *дайт* □оставить делать самостоятельно□ (чеч. *дайт*; бацб. *деийт* например, *яз+де+ийт* = *яздайт* □оставить делать письмо□, то есть дать писать самому); сложный суффиксоид *дала+ийта* = *далийта* □оставить переместиться□ (*де* и *дала+ийт* = *деладалийта* □оставить (самого, самостоятельно) перейти в состояние □ смеяться□).

Аффиксоиды как морфологическое средство выражения каузации, от регулярных продуктивных до количественно менее регулярных, синхронно коррелируют в ингушском языке с автономными глаголами, избранными языковым мышлением для экстрадиции в морфемику.

Отношения, складывающиеся между компонентами сложного каузативного глагола, представляющие словосложение из двух семантически различных глаголов, обычно глагола постулированной и приобретенной семантики (сравните: *водаву* □каузирую бежать□, *соцаву* □каузирую остановиться□, *велаву* □вызываю смех□, *Юмаву* □обучаю□, *кодаву* □каузирую излагать□, *уллаву* □каузирую лежать□, *леву* □каузирую говорение□, *кхетаву* □каузирую понимать□ и др.), демонстрируют такую модель морфологии, которая синхронно легко поддается формально-семантическому членению.

Каузирующий глагол, оказавшийся в ауслате в процессе каузации, то есть в абсолютном конце слова (например: *кхераву* □пугаю□, *кхералу* □пугаюсь□, *кхеравала* □испугаться□), транспонируется в морфему, пройдя путь композитного становления, стадию словосложения, обусловленного линейным сочетанием, или соседством в процессе коммуникации.

Отличительной структурной чертой каузативных глаголов ингушского языка, наряду с другими нахскими языками, является их незатруднительное деление (линейная сегментация) на составляющие (корень и аффиксоид) при первом морфологическом членении.

В ингушском языке, наряду с другими нахскими языками, актуальны и грамматический и лексический каузативы. Грамматический (морфологический) каузатив в ингушском языке возникает на основе корреляции лексических каузативов, исторически обладающих способностью транспонироваться в суффиксоиды.

Один компонент коррелирующей пары (например, *воал* с семантикой □перемещаюсь, появляюсь, рождаюсь□) маркирован лицом Говорящим, которому вслед за прототипической функцией речения, когнитивно

маркированной в качестве данной априори, предцируются все свойства глаголов постулированной семантики [10, 176-178]. Другой глагол пары, коррелирующий с первым (например, *воаккх* □ перемещаю, «появляю», рождаю□), маркирован лицом Произносящим, репрезентированным эргативной формой имени, который в качестве магистрального актанта закодирован в глаголах приобретенной семантики. Репрезентация свойств глаголов приобретенной семантики относится к одной из основных функций лица Произносящего, наряду с функцией каузации [14].

Лексически полнозначный транзитивный глагол образует коррелятивную пару с другим автономным интранзитивным глаголом с противоположенной интенцией. Сравните две конструкции:

1. *Цу шера из дунен чу воал*

Тот годADV–онABS–на светADVродитьсяPRS В тот год он рождается (перемещается, появляется на свет).

2. *Пом хьайнача шера дунен чу воаккх со*

В год война ADV–на светADV–родить PRS–яABS

В год войны меня рожают (перемещают, являют) на свет□ .

В первой конструкции субъект, представленный именной группой в номинативной форме, семантически коррелирующий с эгоцентриком лицом Говорящим, обозначает возвратное действие (*воал* □рождаюсь, то есть *перемещаюсь, являюсь*□), представленное интранзитивным глаголом.

Во второй конструкции каузатор (семантически – лицо Произносящее), представленный именной группой в эргативной форме, каузирует свойство *в̄алар* □ рождение□ (перемещение, появление), представленное транзитивным глаголом (*воаккх* □рождаю□).

Действие по возвратному (непереходному) глаголу (*воал* □ перемещаюсь, являюсь, рождаюсь□) и действие по невозвратному (переходному) глаголу (*воаккх* □ перемещаю, являю, рождаю□), представляющие единый процесс, в котором участвуют два различных лица, морфологически представленных различными падежами имени, образуют в

нахских языках коррелятивную пару лексического каузатива и выдвигаются в качестве доминантного (или константного) для участия в каузативных процессах.

Два самостоятельных глагола (лексических коррелятивов) ингушского языка могут описывать одну и ту же ситуацию в рефлексивном и диалогическом режимах, представляя два равных по значимости, но неоднородных по направленности действия (ср: *Тюм сецача шера со дунен чу воал* □ В год окончания войны я рождаюсь (перемещаюсь, являюсь) в мир □ , *Тюм сецача шера со дунен чу воаккх са нанас* □ В год окончания войны меня (я) рождает (перемещает, являет) в мир моя мать □ .

На основе прямого исходного значения ингушского непереходного глагола, кумулирующего три семемы в качестве основных: *воал* □ перемещаюсь, появляюсь, то есть рождаюсь □ нахским речевым сознанием избирается стартовая семема □ перемещаюсь □, для участия в процессе каузации. На базе прямого стартового значения его переходного лексического коррелята *воаккх* □ перемещаю, являю, рождаю □ возникает невозвратная морфема с семемой *воакх* □ перемещаю □, наследуемая суффиксоидом в процессе каузации:

3. *Да дехъавоал* □ Отец перемещается на ту сторону □;

4. *Дас дехъавоаккх со* □ Отец перемещает меня на ту сторону □ .

Автономные лексические корреляты *воал* □ рождаюсь □ и *воаккх* □ рождаю □, маркированные гетерогенными (Говорящим, Произносящим) лицами парадигмы, накапливающие в семантической структуре три семемы: *воал* □ перемещаюсь, являюсь, рождаюсь □ и *воаккх* □ перемещаю, являю, рождаю □, на основе **стартовой** семемы □ перемещаюсь □, □ перемещаю □ экстрагируют в аффиксоиды и начинают выполнять функцию морфемы.

Способ каузации, осуществляемый посредством трансформации одной из семем (семемы *воал* □ перемещаюсь □, *воакх* □ перемещаю □) неоднозначных глаголов, представляющих коррелятивную пару

лексического каузатива, в суффиксоиды, квалифицируется в качестве доминантного.

Семантически (понятийно) свойства глаголов антонимической пары (инг. *со воал* – *аз воаккх* □ *ярождаюсь* – *я рождаю* □), представляющих один процесс с двумя актантами – лицами парадигмы, грамматически представленными номинативной (*со* □ *я* □) и эргативной (*аз* □ *я* □) формами имени, оказываются настолько релевантными для ингушской речемыслительной деятельности, что данные глаголы выдвигаются в качестве константных для экстрадиции, с одной стороны, в омонимы, с другой в аффиксоид.

Разнородность каузативных глаголов, образующих коррелятивную пару, обуславливается гетерогенностью лиц, закодированных магистральной валентностью в их лексической структуре: лицо Говорящее представляет номинативные глаголы (например, *воал* ‘рождаюсь’), лицо Произносящее представляет эргативные глаголы (например, *воаккх* ‘рождаю’) [10; 12; 14].

Из лексических глаголов, коррелирующих в процессе каузации, пара глаголов: номинативный глагол *вус* □ *остаюсь* □ и эргативный глагол *вут* □ *оставляю* □ маркированы различными лицам-актантами [17], из которых лицо Произносящее представляет свойство эргативного транзитивного глагола приобретенной семантики, которое способно каузировать постулированное свойство *вус* □ *остаюсь* □, как наличную исходную базу, способную к каузации. Сравните исходную номинативную конструкцию с эргативной:

5. *Со* (NOM) *се* (NOMrf.) *цхъабь* (ADV) *вус* (PRS) □ Я сам один остаюсь □ ;
6. *Аз* (ERG) *хьо* (ABS) *хъе* (NOMrf.) *цхъа* (ADV) *вут* (PRS) □ Я тебя самого одного оставляю □ .

Из данной пары лексических коррелятивов (*вус* – *вут*), вступающих в отношения каузации, только эргативный глагол приобретенной семантики *йита* (*вита*, *дита*, *бита*) транспонируется в область морфемики в качестве каузативного средства *-йита* (*наст. вр. -ийт* в соответствии с

прагматической установкой) с грамматикализованной семантикой □ предоставить самому□, или □ дать самостоятельно исполнить то, что обозначено лексической частью каузатива.

Каузатив, возникший посредством суффиксоида *вода* □ уходить в состояние, перемещаться в состояние□, восходящего к автономному номинативному глаголу *ваха* (итератив *уха*) со значением □ идти (ходить, перемещаться)’, способного к экстрадиции в морфемике, имеет эргативный лексический коррелятив *вига* □ вести, перемещать□, на базе которого возникает суффиксоид - *вига* (наст. вр. -*вуг*) с семантикой □ перевозжу, перемещаю в состояние□ (то, что обозначено в лексической части каузатива).

Коррелятивная пара суффиксоидов *ваха* (наст. вр. *вода*) с семантикой □ уйти в состояние, переместиться в состояние□ и -*вига* (наст. вр. -*вуг*) с семантикой □ перемещаю в состояние□, образует монокаузатив, обозначаемый в специальной литературе в качестве инхоативного, от неспрягаемых наречных форм:

7. *Со* *гладвода* *хоама*

ЯNOM1SG–радоваться CAUSPRS–новостьDAT

Я радуюсь новости (букв: Я в «радость» перемещаюсь).

8. *Аз* *да* *гладвуг*

ЯERG1SG–отец ABS–радоватьCAUSPRS

Я радую отца (букв.: Я в радость перемещаю отца).

Глаголы, возникшие на основе лексических коррелятивов, экстрагировавших в суффиксоиды (-*вода*, -*вуг*), наследуют свойство бывших автономных слов: транзитивность/интранзитивность и кодирование актантов. Лексическая часть *глад* со значением □ радость□, □ в радость□ относится к языковым единицам постулированной семантики, вызываемым к жизни каузатором лицом Произносящим в одном из своих доминантных свойств (каузации). Автономный эргативный глагол *вига* □ вести□ (наст. вр. *вуг*

□веду□), выступающий в качестве лексического коррелятива, активизирует постулированное свойство (*ɣIad* □в радость□), в результате которого в языке возникает сложный транзитивный каузативный глагол (инг. *ɣIadɔɟ* □радую□). Взаимодействие двух гетерогенных свойств глаголов постулированной семантики (*вода* □иду□) и постулированного локативного свойства наречия (*ɣIad* □радость, в радость□) генерирует сложный каузативный глагол, образованный двумя неоднозначными (наречие и глагол) постулированными свойствами, образующими инхоатив (*ɣIadвода* □радуюсь□) в ингушском языке.

Локативное свойство постулированной семантики (*ɣIad* □радость, в радость□) может быть каузируемо и глаголом приобретенной семантики (*вуɟ* □веду, передвигаю□), генерируя в языке каузативные переходные глаголы (*ɣIadвуɟ* □радую□ букв. □веду в радость□).

Экстрадиция автономных глаголов в аффиксоиды (*вода* □иду□ и *вуɟ* □веду□) в процессе образования инхоативных каузативных конструкций не лишает бывших глаголов свойства транзитивности/интранзитивности и специфики актантного размещения, в силу того, что каузируемая часть не является глагольной.

Другим регулярным и продуктивным средством возникновения каузатива в ингушском языке и других нахских является аффиксоид *-de* (*-ve*, *-be*, *-ye*) □делать, сделать, осуществить□.

Исторически из семантической базы прямого значения акционального глагола *de* □делать, вынашивать, родить□ (*Несо соахка воI ву* □В прошлом году сноха **рожает** сына□), состоящего из трех основных семем, речевым сознанием избирается стартовая семема «делать, осуществлять» (*Аз деррига ду* □Я все делаю□) для экстрадиции в морфему, и это извлечение из семантической структуры глагола, в целом обладающего семантикой «рождение» стартовой семемы «делаю» обуславливает возможность экстрадиции акционального глагола *de* □сделать, выносить, родить□ в аффиксоид *-de* с семантикой □делать, осуществлять□. В этом стартовом, а не

в финальном значении процесса (в значении □*родить*□) эргативный глагол начинает выполнять функцию морфемы-суффиксоида в каузативном (фактитивном) процессе нахских языков.

Данный способ каузации, осуществляемый посредством трансформации стартовых семем самостоятельных глаголов с семантикой рождения (*воал* □*рождаюсь*□, *воаккх* □*рождаю*□, *ду* □*рожаю*□) в суффиксоиды, относится в ингушском языке, наряду с другими нахскими, к регулярным.

Тип каузации (фактитив) посредством регулярного морфологического средства *-де* □*осуществлять, делать*□ свойственен как нахским [20; 2], так и дагестанским языкам [3].

Автономное слово *де* □*делать, вынашивать, родить*□, способное экстрагировать в морфему (аффиксоид *-де* □*осуществить, сделать*□), синхронно активно функционирующее в языке, в силу своего прямого значения (*несо бер ду* □*сноха рождает ребенка*□) когнитивно маркируется в качестве доминантного в составе корпуса эргативных глаголов, наряду с глаголом *воаккх* □*перемещаю, являю, рождаю*□. Сравните исходную конструкцию с каузативной:

7. *Аз деррига сиха ду*

ЯERG1SG–все ABS–быстро ADV–осуществлятьPRS

Я все быстро делаю и:

8. *Беро байташ Йомаду* (аффиксоид *-ду* □*делаю*□)

РебенокERG1SG–стихиABS–учитьосуществлятьPRSpr.

Ребенок стихи учит.

На основе прямого значения автономного глагола *де* □*делать, вынашивать, родить*□ возникает грамматическая «полисемия», то есть языковые значения каузативности, непосредственно семантически связанные с прямым трехфазовым значением глагола: □*вызывать к жизни*□, □*приобретать свойство*□, □*придавать свойство*□, □*переводить в состояние*□ и в этом качестве синхронно выполняет функцию каузативного аффиксоида:

9. *Оаха нускал кхетаду*

Мы ERG1PL– невестаABS–пониматьосуществлятьCAUSPRS

Мы объясняем невесте (букв.: Мы у невесты свойство «понимаю» вызываем);

10. *Аз кIада кIайду*

Я ERG1SG–тканьABS–белый свойствопридаюCAUSPRS

Я отбеливаю ткань (букв.: Я ткани придаю свойство «белый»).

11. *Илле бер тхьовсаду*

Песня ERGSG–ребенокABS–усыплять делатьCAUSPRS

Песня усыпляет ребенка □ (букв.: песня □ ребенок засыпает □ делает, или: песня вызывает у ребенка свойство «спать»).

Каузатив посредством суффиксоида *-де* □ делать, осуществлять □ обуславливает фактитивный (и инхоативный) тип каузации в нахских языках, который может регулярно образовываться как от переходных, так и непереходных глаголов постулированной семантики [10; 14; 17], а также от именных форм постулированной семантики. Сравните исходную конструкцию с каузативной:

12. *Со кхер хьох*

Я NOM1SG–боятьсяPRSpS.–тыLAT

Я тебя боюсь и:

13. *Аз бер кхераду*

Я ERG1SG–ребенокABS–пугать делатьCAUSPRS

Я пугаю ребенка (или: Я вызываю у ребенка чувство страха).

14. *Со хьох теш*

Я NOM1SG–тыLAT–веритьPRSpS.

Я тебе верю и:

15. *Аз хьо тешаву*

Я ERG1SG–тыABS–верить вызываюCAUSPRS

Я тебя убеждаю (букв.: Я □ ты веришь □ делаю).

16. *Со дика улл*

Я NOM1SG–хорошо ADV–лежатьPRSps.

Я уютно лежу и:

17. *Аз хьаша уллаву*

ЯERG1SG–гостьABS–лежать делаюCAUSPRS

Я не поднимаю гостя

21. *Со ийсте соц*

Я NOM1SG–крайADV–остановитьсяPRSps

Я останавливаюсь на краю и:

22. *Аз бер соцаду*

ЯERG1SG–ребенокABS–останавливать делатьCAUSPRS

Я ребенка останавливаю

Исходные конструкции примеров (15, 17, 19, 21) содержат номинативный глагол **постулированной семантики** (*кхер, улл теш, соц*, на основе которого возникает каузативный глагол (*кхераду* □ пугаю□ , *улладу* □ держу в состоянии лежа□ , *тешду* □ убеждаю□ , *соцду* □ останавливаю□) кодированный лицом Произносящим.

Глагол *ду* □ делаю, *вынашиваю, рожаю* □ в ряду эргативных глаголов ингушского языка определяется в качестве доминантного, прежде всего, благодаря такому свойству, как акциональность (деятельность), а также в силу трехфазовости прямого значения, и отсюда: способности к коннотативному расширению, дифференцированному расширению семантики. Таким образом, экстрадиция автономного глагола *ду* □ делаю, *вынашиваю, рожаю* □ в аффиксоид *-ду* □ делаю□ возможна на базе не прямой финальной семемы глагола (*де* □ родить□), а на базе стартовой семемы □ делать, осуществлять□ , как указано выше.

Каузатив посредством суффиксоида *-ду* □ делаю□ (*-де, -ве, -бе, -ие* □ делать, осуществлять□) может регулярно образовываться от непрягаемых наречно-прилагательных форм. Сравните:

23. *Нанас гла гулду*

МатьRGSG–листваABS–кучей делатьCAUSPRS

Мать листву собирает.

24. *Аз бер кийчду*

ЯERG1SG–ребенокABS–готовделатьCAUSPRS

Я ребенка одеваю.

25. *Гшилонхоша ца лакхду*

СтроителиERG1PL–домABS–высоко делатьCAUSPRS

Строители возвышают дом.

26. *Дас урс ираду*

ОтецERGSG–ножABS–остроделатьCAUSPRS

Отец нож точит.

Лексические «обрывки» *гул*, *глад* могут быть квалифицированы в качестве наречно-именных основ, так как посредством различного рода аффиксов на их базе возникают новые слова (имена: *гул* + *лам* = *гуллам* □ сбор, или глаголы: *куча* □, *гул* + *де* = *гулде* □ собрать □), пополняя словарный состав эргативного ингушского языка, наряду с другими нахскими.

Каузатив с суффиксоидом *-ду* □ *делаю* □ может квантитативно менее регулярно образовываться от непрягаемых именных (существительное) форм, образуя в языке инхоативные глаголы:

27. *Аз тахан атта язду*

ЯERG1SG–сегодняADV–легкоADVписаниеделатьCAUSPRS

Я сегодня легко пишу.

28. *Нанас ага торкаду*

МатьERGSG–люлькаABS–толкделатьCAUSPRS

Мать качает люльку □ (букв.: Мать люльку «толк» делает).

От основы *яз-*, которая не может автономно функционировать в языке, образуются имена посредством соответствующих аффиксов (*-ув*), совмещенных с фузийными процессами (*яз-* + *-у* = *йоазув*), и / или каузативные глаголы (пример 28), но не образуются наречия или прилагательные.

Таким образом, морфологический показатель суффиксоид *-ду* (делаю, осуществляю) (де (де) делать, осуществлять) образует каузативные формы:

- 1) от транзитивных номинативных глаголов постулированной семантики (сравните примеры 14 и 16 и их каузативные варианты);
- 2) от интранзитивных номинативных глаголов постулированной семантики (примеры 18 и 21);
- 3) именных форм (прилагательных, существительных и наречий) посредством их вербализации (оглаголивания), тех, что принято называть инхоативными, согласно терминологии М. Хаспельмата [28] (примеры 23-28).

Приведенные морфологические средства (например, *вала* (родиться), *де* (родить) – процессуальные глаголы с семантикой *в̄лар* (рождение), и др., экстрадировавшие в аффиксоид), участвующие в каузативных процессах нахских языков, имеют непосредственное отношение к лицу Произносящему.

Речевой эгоцентриком лица Произносящее (инг. *оала юхь*) – это единственный компонент парадигмы лица, выполняющий в качестве одной из основных функций каузации качеств и свойств глаголов различной семантики (постулированной, приобретенной, инхоативной).

Лицо Произносящее, как речевой компонент парадигмы лица, обуславливающий категориальное значение местоименного существительного первого лица единственного числа, морфосинтаксически представленного эргативной формой имени, на глубинном уровне соотносено с антропоцентриком *сакхета саг* (человеком-духом) (букв. *са кхета саг* (человек, встретившийся с душой)).

В силу полифункциональности речевого лица Произносящего, представляющего понятийную категорию антропоцентрика *сакхета саг* (человека-духа), одной из центральных функций которого является функция каузации, данный эгоцентриком квалифицируется нами в качестве Актора, представленного на различных уровнях структуры ингушского языка с наибольшей степенью акциональности (деятельности).

Библиография

1. Ахриева Р.И., Оздоева Ф.Г., Мальсагова Л.Д., Бекова П.Х. ХІанзара гІалгІай мотт. – Назрань: «Кеп», 1997. – 265 с.
2. Барахоева Н.М. Грамматические формы и категории глагола. На материале нахских языков. – Нальчик. ООО «Тетраграф». 2011. – С. 312.
3. Дэниэль М.А., Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Каузатив в агульском языке / М.А.Даниэль // Исследования по глагольной деривации: Сб. ст. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 19-46.
4. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Изд. 2 -ое. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 215 с.
5. Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. – Л.: Наука, 1988. – 165 с.
6. Недеялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов /В.П. Недеялков // Типология каузативных конструкций. – Л.: Наука, 1969. – С. 5-60.
7. Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 1. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 52-79.
8. Сильницкий Г.Г. Семантические классы глаголов в современном английском языке: учеб. пособие по спецкурсу. – Смоленск: СГПИ, 1986. – 112 с.
9. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. Серия «Из лингвистического наследия М.Д. Степановой». – М.: Изд.-во КомКнига. 2007. – 376 с.
10. Тариева Л.У. Исторический аспект генерации номинативных инфинитивных глаголов ингушского языка // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. Федеральный научно-практический журнал №5 (46), –Орел, 2015. – С.174-178.
11. Тариева Л.У. К вопросу о классификации ингушских глаголов // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Вузовское образование и наука». – Магас, 2015. – С. 171-175.
12. Тариева Л.У. Критерии актантного размещения в диатезах нахского языка //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов. Изд. Грамота. № 6 (60): в трех частях. Ч.2. – С. 164-168.
13. Тариева Л.У. Одна из основных функций лица Произносящего в нахском языке // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. Федеральный научно-практический журнал. – Орел. №4 (45), 2015. – С. 409-414.
14. Тариева Л.У. Репрезентация номинативных глаголов в ингушском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов. Изд. Грамота. № 6 (60): в трех частях. Ч.1. – С. 164-168.
15. Тариева Л.У. Морфологические показатели большей степени локализации в ингушском языке // Материалы седьмой международной научно-практической конференции: Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы. – Самара, 2012. – С. 310-314.
16. Тариева Л.У. Лигвопрагматический аспект представления основного эгоцентрика / International Conference «Global Science and Innovation». June 24-25th, USA. Chicago, 2015. – С. 240-245.
17. Тариева Л.У. Функция лица Произносящего, разводящая языки различных стратегий //Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. №5 (40). – Орел, 2014. – С. 197-200.
18. Тестелец Я.Г. Эргативообразные построения в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания. – М.: изд. «Наука», 1987. – С. 108-121.

19. Тетевосов С.Г. Декаузативация, неопределенность и структура события // Материалы четвертой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. – СПб., 2007. – С. 35-37.
20. Токаева А.С. Каузатив и декаузатив в чеченском языке. // Дисс. ... канд. филол. наук. – Грозный, 2010 г. – 175 с.
21. Холодович А.А. Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. – Л.: Наука, 1969. – С. 20-50.
22. Холодович А.А. Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. – Л.: Наука, 1969. – С. 20-50.
23. Храковский В.С. Диатеза и референтность (к вопросу о соотношении активных, пассивных и реципрокальных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л.: Наука, 1969. – С. 5-38.
24. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: КомКнига, 2005. – 366 с.
25. Comrie B. «The Syntax of Causative Constructions[^] Cross-Language Similarities and Divergences». // M. Shibatani (ed.). Syntax and Semantics. V/ 6. The Grammar of Causative Constructions. New York. 1976. – P. 261-312.
26. Dixon R. M. W. A typology of causatives: form? syntax and meaning. // Dixon, R. M. W. & Aikhenvald (eds.). Changing valence. Case studies in transitivity. Cambridge: CUP, 2000, p. 1-20.
27. Haspelmath M., Muller-Bardey, Valence change. In: A. Handbook on Inflection and Word Formation. ed. by G. Booij & J. Mugdan, Leipzig & Universitat Vainz. 2001. p. 3-22.
28. Haspelmath More on the typology of inchoative| causative verb alternations // B. Gomrie, M. Polinsky (ed.). Causatives and transitivity. Amsterdam. 1993. – p. 87-120/
29. Nichols J. Switch-reference causatives // CLS 21, Part II: Papers from the Parasession on Causatives and Agentivity. 1987.
30. Talmy L. Semantic Causative Types // Syntax and Semantics. v. 6. 1976. – p. 43-115.

References

1. Ahrieva R.I., Ozdoeva F.G., Mal'sagova L.D., Bekova P.H. H1anzara glalglaj mott. – Nazran': «Кер», 1997. – 265 s.
2. Barahoeva N.M. Grammaticheskie formy i kategorii glagola. Na materiale nahskih yazykov. – Nal'chik. ООО «Tetragraf». 2011. – S. 312.
3. Dehniehl' M.A., Majsak T.A., Merdanova S.R. Kauzativ v agul'skom yazyke / M.A.Daniehl' // Issledovaniya po glagol'noj derivacii: Sb. st. – M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2008. – S. 19-46.
4. Kacnel'son S.D. Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie. Izd. 2 -oe. – M.: Editorial URSS, 2002. – 215 s.
5. Kordi E.E. Modal'nye i kauzativnye glagoly v sovremennom francuzskom yazyke. – L.: Nauka, 1988. – 165 s.
6. Nedyalkov V.P., Sil'nickij G.G. Tipologiya morfologicheskogo i leksicheskogo kauzativov / V.P. Nelyalkov // Tipologiya kauzativnykh konstrukcij. – L.: Nauka, 1969. – S. 5-60.
7. Paducheva E.V. Kauzativnyj glagol i dekauzativ v russkom yazyke // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. № 1. – M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2001. – S. 52-79.
8. Sil'nickij G.G. Semanticheskie klassy glagolov v sovremennom anglijskom yazyke: ucheb. posobie po spekursu. – Smolensk: SGPI, 1986. – 112 s.
9. Stepanova M.D. Slovoobrazovanie sovremennogo nemeckogo yazyka. Seriya «Iz lingvisticheskogo naslediya M.D. Stepanovoj». – M.: Izd.-vo KomKniga. 2007. – 376 s.
10. Tarieva L.U. Istoricheskij aspekt generacii nominativnykh infinitivnykh glagolov ingushskogo yazyka // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: novye gumanitarnye issledovaniya. Federal'nyj nauchno-prakticheskij zhurnal №5 (46), –Orel, 2015. – S.174-178.

11. Tarieva L.U. K voprosu o klassifikacii ingushskih glagolov // Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Vuzovskoe obrazovanie i nauka». – Magas, 2015. – S. 171-175.
12. Tarieva L.U. Kriterii aktantnogo razmeshcheniya v diatezah nahskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov. Izd. Gramota. № 6 (60): v trekh chastyah. CH.2. – S. 164-168.
13. Tarieva L.U. Odnazna iz osnovnyh funkcij lica Proiznosyashchego v nahskom yazyke // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: novye gumanitarnye issledovaniya. Federal'nyj nauchno-prakticheskij zhurnal. – Orel. №4 (45), 2015. – S. 409-414.
14. Tarieva L.U. Reprezentaciya nominativnyh glagolov v ingushskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov. Izd. Gramota. № 6 (60): v trekh chastyah. CH.1. – S. 164-168.
15. Tarieva L.U. Morfologicheskie pokazateli bol'shej stepeni lokalizacii v ingushskom yazyke // Materialy sed'moj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: Vyshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy. – Samara, 2012. – S. 310-314.
16. Tarieva L.U. Ligvopragmaticheskij aspekt predstavleniya osnovnogo ehgocentrika / International Conference «Global Science and Innovation». June 24-25th, USA. Chicago, 2015. – C. 240-245.
17. Tarieva L.U. Funkciya lica Proiznosyashchego, razvodyashchaya yazyki razlichnyh strategij // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya. №5 (40). – Orel, 2014. – S. 197-200.
18. Testelec YA.G. EHrgativoobraznye postroeniya v nahsko-dagestanskih yazykah // Voprosy yazykoznanija. – M.: izd. «Nauka», 1987. – S. 108-121.
19. Tetevosov S.G. Dekauzativaciya, nepredel'nost' i struktura sobytiya // Materialy chetvortoj konferencii po tipologii i grammatike dlya molodyh issledovatelej. – SPb., 2007. – S. 35-37.
20. Tokaeva A.S. Kauzativ i dekauzativ v chechenskom yazyke. // Diss. ... kand. filol. nauk. – Groznyj, 2010 g. – 175 s.
21. Holodovich A.A. Tipologiya kauzativnyh konstrukcij: Morfologicheskij kauzativ. – L.: Nauka, 1969. – S. 20-50.
22. Holodovich A.A. Tipologiya kauzativnyh konstrukcij: Morfologicheskij kauzativ. – L.: Nauka, 1969. – S. 20-50.
23. Hrakovskij V.S. Diateza i referentnost' (k voprosu o sootnoshenii aktivnyh, passivnyh i reciprokal'nyh konstrukcij) // Zalogovye konstrukcii v raznostrukturnykh yazykah. – L.: Nauka, 1969. – S. 5-38.
24. SHanskij N.M. Oчерki po russkomu slovoobrazovaniju. – M.: KomKniga, 2005. – 366 s.
25. Comrie B. «The Syntax of Causative Constructions^ Cross-Language Similarities and Divergences». // M. Shibatani (ed.). Syntax and Semantics. V/ 6. The Grammar of Causative Constructions. Neu York. 1976. – P. 261-312.
26. Dixon R. M. W. A typology of causatives: form? syntax and meaning. // Dixon, R. M. W. & Aikhenvald (eds.). Changing valence. Case studies in transitivity. Cambridge: CUP, 2000, p. 1-20.
27. Haspelmath M., Muller-Bardey, Valence change. In: A. Handbook on Inflection and Word Formation. ed. by G. Booij & J. Mugdan, Leipzig & Universitat Vainz. 2001. p. 3-22.
28. Haspelmath More on the typology of inchoative| causative verb alternations // B. Gomie, M. Polinsky (ed.). Causatives and transitivity. Amsterdam. 1993. – p. 87-120/
29. Nichols J. Switch-reference causatives // CLS 21, Part II: Papers from the Parasession on Causatives and Agentivity. 1987.
30. Talmy L. Semantic Causative Types // Syntax and Semantics. v. 6. 1976. – p. 43-115.